

«Если бы ты спросил меня, почему я присоединился к республиканцам, я бы ответил: «Чтобы сражаться против фашизма». А если бы ты спросил меня, за что я сражался, я ответил бы: «За общую порядочность».

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ
«Вспоминая Каталонию»¹

«Свободные птицы летят, куда хотят, по небесному океану. Многие не достигают своей далекой цели. Ну и пусть. Ведь они умирают свободными».

ТОРГНИ СЕГЕРСТЕДТ. 1940 г.

¹ Джордж Оруэлл в качестве добровольца принимал участие в гражданской войне в Испании в 1936—1937 гг.

ГЛАВА 1

Четверг

Они приближались. Микроавтобус трясло на ухабах. Его занесло на повороте, и какое-то мгновение он скользил боком, прежде чем снова стал слушаться водителя. Прицеп накренился. Казалось, еще немного, и сломался бы фаркоп. Эзги качнуло в сторону, и она схватилась за спинку сиденья впереди, чтобы не завалиться в проход. В спешке не было нужды, времени хватало. И все равно Антону зачем-то понадобилось гнать по этой узкой лесной дороге как на пожар.

Она увидела его лицо в зеркале заднего вида. Оно словно окаменело. Взгляд сосредоточен, как будто Антон находился в трансе. Руки крепко сжимали руль. Она видела его таким и прежде. В эти моменты все иное словно исчезало для него, оставалась лишь задача, которую нужно было решить. Забота же о других больше ничего не значила.

Они мчались сквозь темноту, черные ели нависали над ними. Внезапно впереди из леса выскочила лиса. Ее глаза блеснули в свете фар, и через мгновение она снова исчезла среди деревьев. Антон резко вывернул руль, и машина дернулась. Сиденья сильно задрожали, когда колеса соскользнули на обочину. Антон тихо выругался и снова выругался на дорогу.

Эзги повернула голову и посмотрела на остальных. Они сидели в ряд на заднем сиденье. Трое. Молча. Все одетые в черное. С серьезными лицами. За исключением Ильвы, которая улыбнулась ей и затем покачала головой, словно ругая за экс-

тремальную езду. Двое других, Клаас и Фредрик не отрываясь тарачились в боковые окна.

Впереди сидел Иван и смотрел сквозь лобовое стекло. Тень на его суровом лице усиливала впечатление, что оно словно было высечено из камня. В руках он крутил телескопическую дубинку. Блестящий черный металл терся о кожаные перчатки.

Им оставалось ехать недолго.

Эзги заерзала на месте. Голова зачесалась под балаклавой, которую она задрала на лоб. Пульс подскочил. Адреналин, врывавшись в кровь, разошелся по всему телу. Быстрая езда вкупе с вырывавшейся из динамиков музыкой действовали на нее слишком возбуждающе. Бас бил по ушам. Сердце трепетало в груди от жесткого хип-хоп-бита. Эл-Пи из Run the Jewels сурово бубнил: *«Fear's been law for so long that rage feels like therapy, nobody gets no more sleep till we teach them remembering»*¹. Она кивала в такт музыке, как бы соглашаясь с его словами. Они прозвучали в машине неким заклинанием и все повторялись в ее голове. Эти слова словно были инструкцией к тому, что они должны были сделать.

Антон остановил машину. Как они и предполагали, на берегу не оказалось ни души. Песок выглядел замерзшим. На ветках ивы, касавшихся поверхности озера, белел иней. От них по воде разбегались еле заметные круги.

Эзги улыбнулась, натягивая перчатки. Весна приближалась. Несколько недель назад, когда они проводили разведку, им без проблем удалось бы перебраться на другую сторону по льду на байсах. Но они решили дождаться ледохода. Каноэ выглядели более безопасно, и с ними они потеряли бы меньше времени на обратном пути. А что еще важнее, оставались бы почти невидимыми, скользя по водной глади в темноте.

Совместными усилиями они сняли лодки с прицепа и вынесли их на берег. Потом рюкзаки. Шесть штук. Антон сложил их в ряд.

¹ Страх был законом здесь так долго, что ярость кажется терапией, никто не заснет до тех пор, пока мы не научим их помнить (англ.).

— Последняя проверка.

Они опустились на колени и, открыв рюкзаки, убедились, что взяли с собой все, что было нужно: веревки, молоток, топор, гвоздодер, болторез, слезоточивый газ, тепловизор... Эзги проверила бутылки с бензином на самом дне ее рюкзака — они стояли крепко. Она отвечала за бензин. Проверила и штормовую зажигалку — от яркого пламени она зажмурилась. Фредрик сердито посмотрел на нее.

— Нет, черт побери. Никакого света, — буркнул он. — Неужели трудно понять. Пройдет полчаса, прежде чем глаза снова привыкнут к темноте.

Ей стало стыдно, но она все равно разозлилась на него. Откуда столько презрения в тоне? Она никак не могла привыкнуть к его резким переменам настроения. Еще вчера вечером он был просто милашкой. Дома. В постели. Сейчас перед ней стоял словно совсем другой человек: грубый, жестокий. Несмотря на всю важность их задания, она не собиралась терпеть его таким. Инструкции получены. Все прекрасно знали свои роли. И его попытки довить над остальными противоречили их предварительным договоренностям: это была акция без лидера.

Против нацистов.

Каное беззвучно разрезали темную гладь воды. Чернозобая гагара, потревоженная их приближением, стремительно нырнула под воду. Затем уже где-то далеко в темноте она снова вынырнула на поверхность. Ее зловещий, словно предупреждающий об опасности крик разнесся над водой. Но обитатели уже угадывающего впереди строения на него, похоже, не обратили ни малейшего внимания. Никакого движения, никакой вспышки света... Насколько хватало глаз. Контуров стен стали видны, только когда они почти достигли береговой линии. Высокий забор тянулся по утесам, а потом вдоль кромки воды уходил к причалу.

Не сговариваясь, они взяли курс к узкой полоске берега в дальнем углу участка. Эзги привязала каное к росшим поблизости деревьям. Антон протянул Клаасу болторез. Его стальные челюсти еле слышно лязгали, когда прутья ограды уступали перед их напором.

Антон включил мобильник и направил его тепловизор на находившуюся за забором территорию. На экране телефона ярким пятном выделялась спавшая на ветке дерева птица. Но никаких людей или какого-то иного живого существа. Клаас работал болторезом быстро, легкими, отточенными движениями. Прутья сдавались один за другим. Остальные стояли за его спиной и ждали.

Когда проход был открыт, они нырнули за ограду и натянули черные балаклавы. Антон повел их вверх к дому в обход, чтобы они не попали в зону действия установленных на причале датчиков движения. Камеры наружного наблюдения смотрели в другую сторону — на автомобильную дорожку, ведущую к главному входу.

Потом он остановил их и еще раз взглянул на дом. Ветхая прежде база скаутов заметно преобразилась с тех пор, как организация «Скандинавское копьё» приобрела ее через подставное лицо у муниципалитета Тюресё. Ни о каких курсах для прибывающих в страну иммигрантов, о которых расположившаяся здесь нацистская группа упомянула в контракте, естественно, речь не шла. В помещениях базы они занимались совсем другим делом. Печатали литературу о превосходстве белой расы, а также газеты, журналы и плакаты соответствующего содержания. Распространяли по почте одежду с лозунгами и символикой той же направленности. Милые вещицы с надписями типа *«Беспощадно убивай предателей родины!»* и с напоминающей наконечник стрелы руной Один на заднем плане. Еще здесь устраивали тренировочные лагеря для молодежных отделений различных ячеек. Временные беговые дорожки и полосы препятствий оборудовали в расположенном по соседству лесу. В подвале находился хорошо оснащенный спортивный зал. Тренировки по плаванию и дайвингу проводились у причала, когда позволяла погода. Один перебежчик помог Фредрику составить карту этого объекта. Не даром, естественно.

Антон, Клаас и Иван принесли деревянную скамейку. Она стояла в углу участка вместе с другими предметами садовой мебели. Они прислонили ее к подоконнику на втором этаже, а

потом Эзги, как по пандусу, вскарабкалась по ней наверх. Она наклонилась к окну. В отличие от окон первого этажа и задней двери, к которой от причала вела дорожка, оно не было защищено сигнализацией. Во всяком случае, на стекле отсутствовали белые коробочки вибродатчиков и магнитные контакты.

Эзги провела пальцами вдоль рамы, пытаясь определить местонахождение защелки, и знаками показала, что ей нужен гвоздодер. Взяв его в руки, она надавила на раму и, когда окно с тихим треском поддалось, осторожно шагнула в комнату. Воздух внутри был затхлым, пахло старым домом — деревом и пылью. Эзги отошла от оконного проема, чтобы ее силуэт не выделялся на фоне слабого света снаружи и она не стала мишенью, если кто-то обнаружит ее. Она попыталась осмотреться в темноте, однако как ни напрягала зрение, ей не удалось обнаружить никакого движения. Только несколько стульев, стол и пару оставленных на нем кофейных чашек. В этой комнате явно находился кафетерий. Она выглянула из окна и подала знак другим. Они быстро поднялись в дом, а потом все вместе спустились с тесного чердачного помещения вниз. Во тьме комнаты на первом этаже все выстроились в ряд.

Кровь пульсировала у Эзги в висках. Ручейки пота сбегали вниз по шее. Она слышала, как рядом дышат другие, узнала сладковатый аромат дыхания Фредрика, запомнившийся ей со вчерашнего вечера.

Антон поднял руку, давая команду ждать. В задних комнатах не должно было находиться никаких датчиков. И все равно что-то смущало, вызывало неясные сомнения.

Они стояли неподвижно какое-то время, дом, казалось, тоже затаил дыхание. А потом Антон достал карманный фонарик. Луч света выхватил из темноты два больших принтера. Вдоль стены стояли и коробки с бумагой разного формата.

«Это облегчит задачу», — подумала Эзги.

Антон кивнул ей начинать. Сев на корточки, она включила налобный фонарь и достала из рюкзака бутылки с бензином. Иван и остальные последовали за Антоном дальше. У Эзги был

с собой электрошокер. Другие, кроме Ивана, у которого была дубинка, довольствовались только баллончиками с газом.

Она посмотрела им вслед. Это ей не нравилось. Она считала подобные вещи излишними. Дом же был пустой. Насилие всегда претило ей, даже когда речь шла о самообороне. Но она в конце концов согласилась: в борьбе с нацистами все методы хороши: демонстрации, формирование общественного мнения, интернет-атаки, просветительская деятельность... Наконец, уничтожение их баз и любых инструментов, которые могли быть использованы для разжигания межнациональной розни или нападков на демократию и ее защитников. Порой требовалось чисто физически останавливать распространение пропагандируемой ими ненависти. Для защиты всех, кто верил в мир взаимного уважения и любви.

Свет фонаря Антона гулял по комнатам. Им требовалось убедиться, что в доме нет людей, прежде чем они подожгут его. Спальня. Девять двухъярусных кроватей. Лестница, ведущая в подвал. В спортивный зал. Все выглядело как на фотографиях взломанной ими страницы в Инстаграме. Благодаря собственным снимкам нацистов они смогли узнать, как те переоборудовали недавно приобретенное здание.

Запах бензина подсказал Антону, что Эзги не теряла времени даром. Он направился к следующему проходу и подождал остальных, положив руку на ручку двери. Они встали наготове у него за спиной. Большое помещение серверной находилось под сигнализацией. Но это не играло особой роли. Именно там хранились все материалы на цифровых носителях, а также оружие, униформа и прочее. Это снаряжение уже использовалось в нескольких акциях, хотя сама организация существовала относительно недавно. Ее костяк составляла группа, отколовшаяся от «Скандинавского движения сопротивления». К ним быстро присоединились бывшие члены «Солдат Одина», несколько перебежчиков из футбольных фанатов, променявших спорт на политику, и молодые ребята, бегущие из практически обезлюдивших провинций Центральной Швеции. Менее чем за месяц они успели облить свиной кровью памятник Раулю Валленбер-

гу в Стокгольме, взорвать в Гетеборге бомбу перед зданием, где синдикалисты проводили свой форум, и напасть на дома муниципальных политиков в Скурупе.

Антон с помощью молотка вбил гвоздодер в щель у замка. Звуки ударов эхом разнеслись по комнате. Он ударил снова и надавил на гвоздодер. В конце концов замок не выдержал. Передав молоток Ильве, Антон распахнул дверь. Ничего не произошло. Сигнализация сработала беззвучно. Сигнал тревоги должен был поступить непосредственно в охранную фирму, которой требовалось немало времени, чтобы добраться до этого уединенного здания из штаб-квартиры в Тюресё. К тому моменту они рассчитывали уже завершить акцию и находиться достаточно далеко от дома в своих каноэ, тогда как строение должно было всю гореть.

Но это если бы к объекту приставили охрану. Почти сразу выяснилось, что этого не сделали. Антон торопливо вошел в серверную в сопровождении остальных и осветил лучом фонаря стену сбоку. Зрение не обмануло, пульт сигнализации, висевший у двери, оказался выключенным. Зеленые и красные светодиоды, которым следовало мигать, не горели. Он замер. Остальные тоже остановились. Сердце забилось быстрее, когда он направил свет фонарика на пол. Там лежали коробки с черной униформой, бронежилеты и дубинки.

Из угла доносилось тихое гудение сервера. Антон направил луч света в другой конец комнаты. Ильва встала рядом и тоже включила свой фонарь.

Они увидели очертания людей одновременно, однако поняли, что происходит, только когда черная масса отделилась от стены и устремилась к ним.

Будучи готовыми к нападению, они, пожалуй, сумели бы оказать хоть какое-то сопротивление. Но сейчас едва успели поднять руки, чтобы защититься, прежде чем семеро нацистов набросились на них.

В свете своего фонаря Ильва успела заметить поднятую дубинку и, практически не глядя, нанесла удар молотком. Она попала невидимому противнику в плечо, но потом и сама ощути-

ла удар дубинки, он пришелся ей в висок. Ильва покачнулась. В глазах у нее потемнело, и она оперлась о стену. Клаас устремился к ней, и она услышала шипение газового баллончика, который он направил на нападавших. Вся комната засверкала, и Ильва не могла понять: так ее голова реагировала на удар или причиной стали лучи фонарей, внезапно заполнившие собой комнату. Уголком глаза она видела, как один из них осветил лицо Клааса. Кто-то направил фонарь на него. Когда Клаас отвернулся от яркого света, его ударили кулаком в затылок. Газовый баллончик со звоном упал на пол. Ильва направила свой фонарь на противника и напрягла зрение — от газа щипало глаза. Она подняла молоток, но, прежде чем успела воспользоваться им, ее сильно ударили ногой, и она полетела к Клаасу.

Потом удары сыпались уже без остановки. Ильва согнулась пополам, когда дубинка попала ей прямо в солнечное сплетение. Широко открыв рот, она пыталась глотнуть хоть немного воздуха, потом закашлялась от слезоточивого газа. Она слышала, как рядом избивали ее друзей. Люди, одетые в черное, словно были повсюду.

Она держала фонарик перед собой, пытаясь ослепить их. И все равно один бросился вперед. Клаас согнулся, когда его пнули коленом в живот. Ильва почувствовала, как он ухватил ее за одежду, чтобы не упасть. Она осветила фонарем комнату. Сбоку в этот момент Ивана ударили головой в лицо. Он повалился назад на Клааса и стукнулся затылком о бетонный пол. Нацисты шеренгой наступали на них. В свете своего фонаря Ильва могла видеть их покрасневшие глаза с темными пятнами зрачков. Они горели ненавистью. У некоторых взгляд был затуманен, словно они находились под действием наркотиков.

Иван и Клаас ползли назад. Она пыталась вслед за ними. Терла глаза. Моргала из-за теплой крови, бежавшей из раны на лбу. Противников было слишком много. У них в любом случае не было ни единого шанса дать отпор. Страх железной рукой схватил ее за горло, мешал дышать. Лучи фонариков нападавших разрезали темноту подобно лазерным мечам. Она попробовала восстановить дыхание, но тщетно, в горле вдобавок першило

от газа. И все равно Ильва старалась защищать остальных. Это была ее ответственность. И их ответственность. Они спланировали эту акцию вместе. И должны были завершить ее вместе. Она подняла руку, чтобы закрыть голову от ударов дубинок, когда противник снова пошел в атаку, и осветила пространство за своей спиной. Вдалеке виднелись очертания двери, через которую они попали в серверную.

— Нам надо вырваться наружу. Беги к нам, — услышала Ильва сдавленный крик с той стороны. Голос принадлежал Фредрику. Или, пожалуй, Ивану. Она лихорадочно пыталась отыскать их с помощью фонаря и внезапно увидела испуганный взгляд Ивана в пятне света. Они отступали к двери. У нее все похолодело внутри, когда она увидела лицо Фредрика. Он напоминал ей сейчас вампира: один глаз его обрамляла сочившаяся из разбитой брови кровь, темной струйкой сбегавшая ниже по щеке ко рту. Его губы блестели и выглядели неестественно алыми в свете фонаря.

Она снова взмахнула молотком, стараясь не подпустить нападавших ближе, и вдруг услышала стон — попала по чему-то мягкому. Но больше ей так не везло. Все тело ныло от ударов, которые она пропускала. Сомнений уже не было: их всех убьют, если они не смогут вырваться из этой комнаты. Ильва отступала на ощупь и, обнаружив Клааса за спиной, торопливо направила его к выходу. Она видела, как он последовал за Иваном. Нацисты находились прямо за ней. Шум их тяжелого дыхания смешивался со странными гортанными звуками. Удары сыпались ей на затылок, шею и плечи. Ужасно болел копчик после того, как по нему попал окованный железом ботинок. Кто-то схватил ее за одежду. Держал крепко. Однако она сумела вырваться, продолжая махать вокруг себя молотком и фонариком. Крутилась на месте, но не по кому так и не смогла попасть. Спотыкаясь, Ильва продолжала упорно двигаться к двери.

Внезапно в дверном проеме возникла Эзги и притянула ее рукой к себе. В другой руке она сжимала металлический баллончик. Эзги подняла его перед собой, и он зловеще зашипел — она выпустила весь газ, что был внутри, в сторону нападавших.